

ЯКОВ СЕНЬКИН

**БЕЛЫЕ СКАЛЫ
ДУВРА**

**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2022**

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С31

Сенькин, Я.

С31 Белые скалы Дувра / Яков Сенькин. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 200 с. (Серия «Критика и эссеистика»)

ISBN 978-5-4448-1796-4

Почти всегда взять в руки новую книгу нас побуждает или фамилия ее создателя, или заглавие. Какое забавное имя — Я. Сенькин! Может, псевдоним? А название — как начало стихотворной строки... Заинтригованный, начинаешь читать и понимаешь, что, да, псевдоним, что автор известный ученый и, хоть он писал эти рассказы в пандемийном затворничестве, человек веселый и наблюдательный. А вот откуда, оказывается, взялось поэтическое название сборника: «...Однажды в каком-то пиратском романе я прочитал: „Наш корабль вошел в Канал <...>, и после стольких лет скитаний я увидел, наконец, родные белые скалы Дувра“. Я был потрясен: „Белые скалы Дувра!“». О чем и о ком бы ни рассказывалось под этой обложкой — будь то эпоха 1990-х, снежная буря в Кембридже, императрица Елизавета, Петр Великий, старый уж, медведь или китайские школьницы, — все это интересно, смешно и трогательно, все свидетельствует о литературном мастерстве, искренности и жизнелюбии. Одновременно узнаешь много интересного и важного — то, что делает книгу по-настоящему стоящей.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки используются фотографии:
Joseph Pearson / Artem Maltsev / unsplash.com

© Е. Анисимов, 2022
© С. Тихонов, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Содержание

Предисловие	7
Белые скалы Дувра, или Попытка краткой автобиографии	10
Ножки президента Буша	20
Гуляя по Покровке, я подумал, что сошел с ума	25
Вечный трек, или Записки невольного натуралиста	26
Раздача у круглого стола	29
Академический фольклор.	34
Как я пытался создать ячейку гражданского общества в своем дворе	37
Ястреб и Петя	41
История жизни и смерти Коли Рулева	43
Герберт Маркузе в подлиннике	46
Арденнский вепрь	47
Гагарин и Фидель — кумиры моей романтической эпохи	49
Париж в сердце моем	55
В гостях у Кота	58
Историк Берхин	62
Книги в Америке.	66
Открыта охота на фальсификаторов, ура!	69
Килограмм денег.	77
Церковь в метро	81
Нарден и Ниеншанц	83
Моя Елизавета	89
Дом варяжского дракона. Рассказ для дочери	95
Призрак академика Лихачева	100

По маршруту дружбы.	100
Рыжий пень, или Как я миловался с дорожным столбиком (увы, с обсценной лексикой)	108
Весна в Америке	113
Номер в Гонолулу	116
Встреча с Горбачевым	120
Медведь на обочине	125
Мы и «HMRU Britannia»	127
Три истории о войне	131
Второй план	135
Как я не встретился с королевой	140
День Победы, или Олик	144
Старый Дункель	151
О прочности советской власти	153
Пасхальный мемуар	159
Пикуль и 20 августа	153
Впервые на концерт в Бостон-симфони. Из дневника 1991 года	168
Псковская лексикография	175
Шона-Шона на Тяньаньмэнь	177
Снежная буря в Кембридже (США)	182
Тигриное говно	187
Заметки невольного сельского хозяина и натуралиста	189
Школа	192
<i>Приложение</i>	
Речь, обращенная к выпускникам Европейского университета в Санкт-Петербурге 22 июня 2012 года.	195

Предисловие

Никогда не думал, что начну писать нечто мемуарное. Моя жизнь уже столько десятилетий стремительно неслась напропалую, и некогда было оглядываться назад, да и, честно сказать, не очень-то и хотелось оборачиваться — сколько я глупостей и ошибок в прошлом наделал, сколько сказал слов не к месту, столько людей обидел, что порой рдеют от стыда и сожаления за содеянное мои уши. Но вот внезапно, благодаря ковиду в сочетании с моим, увы, почтенным возрастом, произошла перемена. Я с детства, со времен увлечения пиратскими романами, помнил редкое для почтенной публики слово **маронинг**. Так называется высадка наказанного за что-то моряка на первый попавшийся кораблю необитаемый остров. Да на прощание капитан весело кричал бедняге: «Джон, назначаю тебя губернатором острова!» Для многих это была лишь оттянутая по времени голодная смерть, а некоторые все же (в зависимости от ресурсов острова, удачи и трудолюбия) выживали и даже процветали. Наш маронинг, или «губернаторство» в совершенно необитаемой

деревне, начался в марте 2020 года и длится вот уже второй год, причем маронинг развивается по второму, благополучному, сценарию, а новый теплый дом с печкой и уютной лежанкой (получившей название «Тысяча котов» из-за совершенно кошачьего нежного тепла, излучаемого ею), исправная машина, «Пятерочка», «Красное и белое» в 40 километрах от нашей пустой деревни, интернет и зум сделали маронинг совершенно комфортным, общение с природой, при полном отсутствии людей, нервных новостей по «Эху» — благостным. Как-то я взялся пересматривать в компе старые файлы и вдруг обнаружил отрывочные дневниковые записи (вести ежедневно дневник у меня никогда не хватало терпезу, но вот что-то интересное я стремился записывать). И в этих старых файлах оказалось немало забавных, памятных, любопытных историй, заметок, наблюдений из моей и чужой жизни и даже одна сказка и изрядная публичная речь. И все это не показалось мне так уж глупо — между мной и этим материалом уже возникло расстояние, некая перспектива, которая в моем возрасте уже измеряется десятилетиями, и справедлива французская пословица: «Il faut donner du temps au temps» («Надлежит времени дать время»). Несколько переработанных из этого материала новелл я поместил на своем чате в фейсбуке и стал получать на некоторые из новелл по полсотне, а порой и по сотне лайков. У меня фейсбучных друзей относительно немного (около трех сотен), поэтому такое число лайков, да и порой с комментариями, меня поразило: значит, моя писанина оказалась кем-то востребованной. Это обстоятельство обычно меня воодушевляет больше, чем привычное для автора ожидание наживы, а неосторожное письмо Иры Прохоровой, давшей совет собрать публикуемые новеллы в виртуальную папку, чтобы потом издать на бумаге, осмыслило весь мой псковский маронинг. Возникла, правда,

Предисловие

проблема, в какой последовательности всю эту пестроту размещать: по алфавиту скучно, по хронологии — нелепо, ибо прошлое и нынешний день в новеллах переплетаются, да и порой я не помню, когда что произошло и произошло ли вообще именно так. Поэтому последовал примеру одного французского новеллиста шестнадцатого века: написал названия всех новелл (кроме одной, сознательно помещенной в самом начале книги на листочках, вышел на галерею и бросил пачку этих листочков по ветру в сад, а потом собрал. В таком, определенном случае порядке, и публикую их ныне. А читателю уже судить, катит все это или не катит.

Автор

Деревня Большое Алешно Псковская обл.

9 марта 2021 года

Белые скалы Дувра, или Попытка краткой автобиографии

Известно, что существует ряд (так называемых бродячих) сюжетов художественных произведений, находящих непосредственное отражение в жизни: граф Монте-Кристо, Ромео и Джульетта, Одиссея. Мой сюжет — самый заезженный — Золушка. Словом, непросто складывалась судьба героя. Я родился после войны в подмосковном городке, за сто первым километром. Здесь селились бывшие политические, а главным образом — уголовные преступники, которым был запрещен въезд в столицу. В доме на соседней улице маялась некогда Марина Цветаева. В пору моего детства ссыльные уголовники определяли общую стилистику жизни нашего квартала. Скандалы, матерщина, поножовщина и другие «прелести» криминального мира соседствовали с жизнью обыкновенных городских семей вроде нашей.

Второе, что определяло мою жизнь тогда, — безотцовщина. Родитель бросил нас с мамой, когда мне не исполнилось и трех лет, и с тех пор я больше его не видел. Для подростка это была глубокая и долго не заживавшая рана. Никогда не забуду моих героических походов в баню. Маме водить меня, достигшего семилетнего возраста, в женский день стало уже невозможно, и я ходил в мужской день самостоятельно — мама доводила меня до бани, а потом терпеливо ждала на улице — обычно коридор был заполнен донельзя жаждущими омовения. Помню, как был для меня страшен шипящий кран горячей воды, как тяжело было стаскивать из-под него полную почти кипятка шайку, часто в раздевалку я выходил недомытый, в мыле, пока какой-то дядька не объяснил, как надо мыться: сначала

вымыть дочиста голову и забыть о ней, потом намаливать одну руку, другую, потом ноги, потом грудь и т. д. Это была наука! Но порой мужики в раздевалке шутили: опять не домылся, глазки-то черные! Из-за безотцовщины так и не исполнились горячие мальчишеские мечты: иметь велик с мотором, выстрелить из настоящего ружья, сходить с отцом в ночное, лежать уютно в лодке и смотреть в бесконечное звездное пространство. Третья особенность моей детской жизни — повальное пьянство в городе, во дворе, в семье. Моя бабушка (а я многие годы жил с ней, точнее, с ее сестрой — моей крестной) работала сторожем на ликеро-водочном заводе, и поэтому дома «праздник жизни» никогда не заканчивался. Тогда-то я невзлюбил советскую власть. После того, как веселые гости расходились из нашей кухни, по радио, которое вещало в режиме нон-стоп, в полночь звучал гимн Советского Союза, первые такты которого и до сих пор мне напоминают провал в бездонную яму. Задремавшая к этому времени крестная просыпалась, слезала с печки и выключала свет в моей комнате как раз в тот момент, когда я дочитывал книгу до самого интересного места. Посему на гимн у меня выработался условный рефлекс, как у собаки Павлова на удар током.

Несомненно, книги были главной отдушиной в моей жизни. Я читал всегда и везде, особенно любил лежать на высокой крыше сарая или в особом гнезде, которое устроил из досок в развилке развесистой березы. Голубые томики Жюль Верна, розовые Вальтера Скотта, пестрые Фенимора Купера, сиреневые Джека Лондона, сборники «На суше и на море», пиратские романы о капитане Бладе и ему подобных отважных героях заполняли мое существование. А восхитительный роман Штильмарка «Наследник из Калькутты» и бессмертный «Остров сокровищ» Стивенсона!? Карты этого острова я рисовал непрерывно, все усложняя и усложняя их! Я иррационально

скучал на уроках истории — учебник я прочитывал в первый же день, как только покупал его в конце августа в магазине со странным названием «Когиз»... да и вообще знал историю значительно лучше учительницы, дерзко порой поправляя ее, как ныне делают студенты, проверяя сказанное профессором по Википедии, которая, как известно, врать горазда...

Были еще два обстоятельства, определивших мою дальнейшую судьбу. Первое — это Слобода. В километре от моего дома, на противоположном берегу речки Серьи (ославянившейся в Серую) возвышался Успенский монастырь — бывшая Александрова слобода, опричная столица Ивана Грозного, место некогда страшное, лютое. Многое там было достроено позже, в XVII–XVIII веках, но главные соборы и колокольня сохранились со времен царя-убийцы. В Троицком соборе, возле медных врат, украденных Иваном из Великого Новгорода во время кровавого погрома 1570 года, меня крестили в старинной каменной купели, потом сюда меня приводила крестная на богослужения, которые совершенно не волновали меня. Зато, стоя в храме, я вспоминал страницы «Князя Серебряного» и думал: «Вот тут стоял князь, а тут — Малюта Скуратов, а вон оттуда выходил сам царь». Порой даже казалось, что царь Иван присутствует здесь, особенно в сумерках. Иногда со свечой в руке я поднимался по узкой лестнице на колокольню, с площадки которой якобы слетел на кожаных крыльях отчаянный русский мужик, и видел над собой низкие, покрытые копотью потолки. Наверное — думалось мне, — это копоть еще от факелов времен Ивана, который тоже по этим же высоким и стертым каменным ступенькам залезал наверх трезвонить в колокола. Огонь свечи колебался от сквозняков, дрожь страха и восторга пробивала меня в те минуты. А еще вместе с приятелями мы искали следы подземного хода из Слободы к реке (нет в России ни единого известного места,

где не бытовало бы предание о тайном подземном ходе). Нас вела мечта прославиться на весь мир: найти, подобно герою романа «Бронзовая птица», клад, либерию — библиотеку Ивана Грозного, — ведь считалось, что она где-то тут закопана. Наши раскопки обычно были недолгими — хозяева огородов, окружавших монастырь, гнали нас в шею с нашими лопатами и ломami. Но все-таки раз нам крупно повезло — мы выкопали полуистлевшую рукоятку сабли. И тогда меня будто током дернуло: буду историком — и никем другим!

Второе, что оказалось очень важным в моей жизни, — это радио, точнее, две увлекательные радиопередачи, которые я всегда слушал и которых ждал с нетерпением. Одна называлась «Клуб знаменитых капитанов»: о необыкновенных морских приключениях, о пиратах и мореплавателях, а другая — «Юнга Захар Загадкин» — о географии. Захар голосом актера Льва Дурова рассказывал удивительные вещи, а потом задавал загадки типа: «Маленький Зяблик прилетел в гости к другу Талсану...» Нужно было найти на карте эти объекты и написать об этом в редакцию — и даже получить за правильный ответ почетную грамоту Всесоюзного радио! И я часами просиживал с атласом и сочинял письма, начинавшиеся словами: «Дорогой Захар! Вам пишет ученик 4 класса ... Я нашел реку Зяблик, которая впадает в озеро Талсан...» — и т. д. С тех пор я отлично знаю географию России и сопредельных стран. Но почетной грамоты от редакции (тогда так и писали: «Дорогая редакция!»), увы, я не получил — а так жаждал! Смешно, но все детство и юность я почему-то страдал от неполучения грамот и медалей и страшно завидовал их обладателям. Позором и разоблачением закончилась наша с приятелем интермедия с утоплением на реке, ломившая, по моему расчету, на получение медали «За спасение утопающего». Потом эта жажда славы прошла.

Но больше всего на свете я любил читать, и когда отправлялся менять книгу в районную библиотеку, то последний квартал уже не мог пройти спокойно, а, прижимая книжку к груди, мчался во весь дух, будто на пожар. Эти рывки мне впоследствии пригодились. И вот однажды в каком-то пиратском романе я прочитал: «Наш корабль вошел в Канал (Ламанш. — Я. С.), и после стольких лет скитаний я увидел, наконец, родные белые скалы Дувра». Я был потрясен: «Белые скалы Дувра!» Это было так захватывающе-романтично, так разительно диссонировало со скучной и серой жизнью простиравшегося подо мной грязного, унылого двора, по которому лениво бродили куры, а под забором спал пьяный сосед дядя Витя, так влекло меня в некую романтическую туманную даль, где «капитан, обветренный, как скалы...» и т. п.

Я, несомненно, отличался от своих ровесников этим пристрастием к чтению, своей особой жизнью вне мира, который меня окружал. Много лет спустя моя мудрая жена, познакомившись с моими незатейливыми родственниками, сказала, что я... явно не из их семьи, что меня, верно, подменили в роддоме... В ответ я пошутил в стиле Полиграфа Полиграфовича про кровь ньюфаундленда в нашем роду, а потом вдруг вспомнил рассказ матери, как однажды, зимой, они с бабушкой отправились в гости в пригород Замчаловку, к дальним знакомым. Туда они взяли с собой и меня, двухлетнего, плотно укутав и посадив в детские саночки. И, когда поздно вечером обе пьяненькие бабы, распевая «Рябину кудрявую», уже приближались к нашему дому, вдруг обнаружилось, что саночки-то пусты! — по дороге они меня потеряли! Тотчас протрезвев, они в ужасе бросились назад и через два квартала нашли меня, мирно спящего в сугробе. Вот тогда-то, видимо, ангел и подменил меня... Так что перед вами — это вовсе не я!

Какое-то время я страшно увлекался авиа- и судомоделированием, и вершиной моего творчества стала модель чайного клипера. Соседний пруд показался мне слишком тесным для такого роскошного корабля, и я отважно отправился на весенний разлив реки, спустил «Фермопилы» на воду, ветер надул паруса, и отлично построенный клипер, тотчас взяв крутой бейдевинд, умчался вдаль... Напрасно я бежал, стремительно огибал овраги и препятствия на пути вдоль берега — бесполезно, он уплыл в неведомое — не иначе, как к белым скалам Дувра. Недавно он ко мне «вернулся»: я издал детскую книгу «От мачты до кия» — об устройстве парусного корабля в память о моих умчавшихся «Фермопилах» — и даже получил за нее премию Госкомиздата с замечательным названием «Читаем вместе». Чтение в семейном кругу по вечерам является для меня и до сих пор ярчайшим символом, одним из несравненных достояний и наслаждений мирной и уютной семейной жизни.

Но жизнь брала свое, окружение и двор все сильнее затягивали меня- подростка, и мать после трех моих приводов в милицию и шести двоек в четверти совершила неординарный поступок — резко изменила нашу жизнь: завербовалась в воинскую часть (она была бухгалтером) и увезла меня в Белоруссию. В одно мгновение я оказался среди безбрежных лесов, за тремя рядами колючей проволоки, в маленьком гарнизонном поселке, где были пять панельных домов, школа, плац-площадь, клуб, больница, стадион. Класс состоял из пяти-шести учеников-паинек, офицерских детей в чистеньких костюмчиках, и не учиться там было просто невозможно. Плюс самодеятельность: попавший в армию театральный режиссер Миша ставил патриотические пьесы, и в одной из них — про партизан, с белорусским названием «Выбух» (Взрыв) — я играл гестаповца, который пытал юную героиню-подпольщицу... Зрители, сочувствовавшие юной героине,

бросались в меня сливами. И еще в моей жизни появился Александр Иванович...

Это был молодой учитель физкультуры. Он заметил во мне одно важное для бегуна качество — на последнем круге я мог без напряжения, резко, прибавить в скорости и уйти от пелетона (группы бегунов). Он сказал, что если я согласен, то он сделает из меня олимпийского чемпиона на полуторке (1500 м). При этом нельзя не ценить его честность: Александр Иванович признался, что, уцепившись за меня — золотого мальчика, — он выберется из этой дыры. В этом был резон. Тренер по легкой атлетике не похож на тренера командной игры. Он может вести спортсмена всю его карьеру. И порой на крупных соревнованиях я замечаю их. Они стоят в первых рядах зрителей (им не дают пропусков в тренерскую зону) с секундомером в руке и, преодолевая шум трибун и расстояние, кричат что-то своим воспитанникам, пробегающим по дорожке, так они ведут график забега — самое важное для бегуна. Я согласился, и началось...

Вообще спорт необыкновенно важен для молодого человека. Тут, в сжатом виде, вся жизнь: и тревога, надежда, и мандраж перед стартом, как в первый раз с женщиной, и возбуждающий шум толпы (в этом смысле понимаю азарт лошадей на ипподроме), и внезапная сухость во рту, и невесомая теснота шиповок на ногах, когда вступаешь на гаревую дорожку. Стартовый выстрел срывает тебя с места и запускает внутренний секундомер, как таймер на mine из финала западных триллеров о герое, спасающем за эти секунды мир. Кажется, что в беге ты не дышишь, лишь свистит в ушах воздух, и молотом стучит сердце. Но и в эти три-четыре минуты ты успеваешь и подумать, и проявить расчетливость, терпение, хитрость, и, конечно, риск и волю, как ни банально звучит, к победе. А в конце так ослепительна радость торжества, когда ты

первым утаскиваешь грудь такую податливую финишную ленточку, а она, твоя пассия на трибуне, видит этот ошеломительный триумф! Победа всегда и везде нужна человеку, она поднимает степень уважения к себе. И, конечно, за всем этим стоит (увы, опять очевидная банальность) труд, тяжелейший труд. Каждое утро тренер будил меня, и до школы два часа я тренировался по его программе, которая должна была вывести меня (согласно его многолетнему плану) на пьедестал почета Олимпиады 1972 года в Мюнхене (помню, более всего он опасался кенийских бегунов и постоянно примеривался к ним). После уроков мы шли на вторую двухчасовую тренировку или бежали в лесу кросс на выносливость. Потом он массировал мне ноги. Все было по-честному — а в наши дни ему впяли бы статью по педофилии. И так каждый день два долгих года. Он прогонял меня с танцев, не давал глотнуть пива и, внезапно выйдя из-за угла школы, вырывал из моего рта сигарету. Он запрещал мне даже болеть и страшно ругался, если я простужался. Каждую неделю Александр Иванович давал моей матери меню для меня, и, если у нас не хватало денег, он покупал продукты сам — при том, что у него была своя семья, а зарплата школьного физкультурника невелика и ныне. И результаты мои непрерывно улучшались — в 8-м классе я стал победителем в воинской части, обойдя взрослых мужиков на двух дистанциях, и получил третий взрослый разряд, последовали окружные, городские, областные соревнования, второй, первый взрослые разряды. Мы отправили в округ документы на получение звания кандидата в мастера. Когда я был в десятом классе, тренер стал планомерно готовить меня к поступлению в Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта, для чего собирався ехать со мной в Ленинград и там поселиться, чтобы вести меня дальше по графику чемпиона. Вот тут-то и стали

возникать возрастные проблемы: ведь мой мир оставался предельно аскетичным, тогда как все парни уже имели девушек и хвастались победами иного свойства. Я же, как идиот, накручивал круги на школьном стадионе, отмечая пройденное выброшенными из кармашка спичками, а они там, в кустах, шуршали и пыхтели. И это, выражаясь современным языком, напрягало.

Но важнее было другое — мне не хотелось идти в большой спорт. Александр Иванович делал из меня профессионала последовательно, по-научному, он жестко вел меня по жизни и... тем самым подавлял мою романтическую личность, угнетал мой вольный дух. Между тем я по-прежнему читал запоем исторические книги (и даже вполне научные — помню, как осилил сборник статей о 1812 годе и замахнулся на Рене Декарта, обменяв его в солдатской библиотеке на «Каменный пояс» Федорова), и еще — я по-прежнему слышал зов белых скал Дувра, я отчаянно хотел быть историком и никем другим. И вот, после получения аттестата зрелости, в одну из дождливых ночей я вышел из дома (мама уже уехала в другую воинскую часть, и опустевшую квартиру мне предстояло сдать коменданту), написал тренеру прощальную записку, пролез через дыру в колючке — так ходили наши солдаты в самоволку, — в темноте прошел по лесной дороге несколько километров, поймал поутру попутку и... уехал в Ленинград. Больше я никогда не встречал своего тренера. И вот я перед вами... Полсотни лет с той самой ночи меня мучило чувство вины перед Александром Ивановичем, но я не мог поступить иначе, я не мог жить без свободы и истории, в которой и обретал свободу. И еще — белые скалы Дувра тоже не давали мне покоя и нередко грезились по ночам. И вот, достигнув семидесяти лет, я осуществил детскую мечту — поехал в Нормандию, сел в Кале на паром и... увидел белые скалы Дувра,

те самые, которые Набоков называл «сахарными». Это удивительное зрелище — за несколько десятков верст от берега, на фоне синего неба, в утренней розовой заре, из серых вод Ла-Манша возникло будто бы неземное мерцание, потусторонний свет, а потом начала расти вверх и разворачиваться в ширину ослепительно белая, как альпийский снег, полоса, затем она стала превращаться в окаймленную сверху зеленью лугов гигантскую стометровой высоты белую стену английского берега. Это и были белые скалы Дувра! Свершилось!

2017 год